

А. И. Рупасов

«В кругах германского правительства статья вызвала переполох». Дело Кайсарова – Шварсалона, 1932 г.

В начале 1932 г. в отношениях СССР с Германией наметилась явная тенденция к охлаждению. В Москве стремились избежать ухудшения двусторонних контактов, но подписание советско-польского пакта о ненападении, несмотря на заявление Сталина, что этот договор не означает гарантий границ Польши, оценивался в МИД Германии как крайне негативный факт. В Аусвертиге Амт обращали внимание советских дипломатов на то, что пактом не предусмотрено автоматического прекращения обязательств СССР в случае нападения Польши на Германию и, кроме того, документ фактически обеспечивает нейтралитет Москвы в случае объявления Германии нападающей стороной. Тем самым, с точки зрения Берлина, Советский Союз отказывался от прежнего взаимопонимания с Германией, лишался свободы маневра, и Германия теперь не могла полагаться на его поддержку в защите своих жизненных интересов¹. Несмотря на довольно изощренные усилия советской дипломатии противодействовать прозападной ориентации возглавившего летом 1932 г. правительство Германии Франца фон Папена, едва ли стоит рассматривать вызвавшую предельное недовольство политического руководства СССР публикацию в одной ленинградской газете как неудачно спланированный НКВД элемент антипапеновской кампании. Руководству НКВД не удалось

¹ Кен О.Н., Рупасов А.И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. 1928–1934. М.: Алгоритм, 2014. С. 99–100.

осуществлять контроль даже над публикациями в центральной прессе, в том числе в официальном органе ЦИК СССР «Известиях». Региональная пресса вообще оставалась вне сферы контроля Наркоминдела. Редакторы отделов иностранной информации региональных изданий должны были довольствоваться либо перепечатками материалов центральной прессы, либо полагаться на собственное политическое чутье и те сведения и оценки внешнеполитической ситуации, которые им доводилось получать из аппарата местных партийных органов. На публикацию в ленинградской «Вечерней красной газете» такой топорно сработанной статьи, как «Военная мощь Германии», в НКВД не рискнули бы пойти. Реакция же на эту статью в Европе оказалась настолько сильной, что стала предметом обсуждения высшего политического руководства СССР, и то, как оно отреагировало на сложившуюся ситуацию, свидетельствовало о том, что статья появилась без его санкции.

12 августа 1932 г. член политбюро ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович направил шифровку отдыхавшему на Кавказе Сталину. Первоначальный текст этого документа включал два абзаца, адресату не направленных: Сталину подоплека дела уже была известна и дублировать информацию не стоило. Однако в данном случае следует привести этот первоначальный текст полностью: *«В ленинградской “Красной газете” была помещена статья некоего Кайсарова, в которой германское правительство обвиняется в тайных вооружениях. Статья основана на материалах французской военной печати. Статья эта комментируется в польской и французской печати как доказательство полного изменения советской политики по отношению к Германии.*

В кругах германского правительства статья вызвала переполох. После нескольких дней молчания статья Кайсарова опубликована в Германии телеграфным агентством “Телунион”, которое считает очень важным узнать действительное значение этой статьи, указывая, что “Красная газета” является официальным органом Ленинградского совета².

Мы послали Стецкого³ в Ленинград расследовать обстоятельства помещения статьи Кайсарова в “Красной газете”. Известно, что Кайсаров беспартийный, бывший офицер, ныне инженер отделения Союзтранса⁴. После расследования определим меры наказания виновных в опубликовании такой статьи.

² Выделенное курсивом в тексте документа зачеркнуто. В публикации «Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг.» (М.: РОССПЭН, 2001. С. 287–288) отсутствует упоминание об этом.

³ Алексей Иванович Стецкий (1896–1938) — в 1929–1936 гг. заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б).

⁴ Всесоюзное объединение складского и транспортно-экспедиционного дела Народного комиссариата путей сообщения («Союзтранс») было создано в 1928 г.

*Ваше предложение сегодня же реализуем*⁵. Не целесообразно ли дать в “Известиях” статью о разоружении, в которой изложить без упоминания о “Красной газете” положение с вооружениями в Германии в духе нашей обычной трактовки, фактически опровергнув установки статьи в “Красной газете”, *не беря в то же время чересчур под защиту Германию, чтобы не дразнить поляков*⁶.

Просим сообщить Ваше мнение»⁷.

Направление в Ленинград именно Алексея Ивановича Стецкого определено было обусловлено тем, что за время своей прежней работы на посту заведующего отделом Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) и Ленинградского губкома партии он был хорошо знаком как со всеми редакторами ленинградских периодических изданий, так и с руководящими кадрами ленинградского ГПУ, губкома и горкома партии. Кроме того, ему также не могли не быть известны более ранние факты проявления излишней, с точки зрения центральных властей, самостоятельности местных органов власти в инициировании в прессе отдельных публикаций.

Неделю спустя после вышеупомянутой шифровки — 20 августа 1932 г. — Каганович направил Сталину и Молотову новую, свидетельствовавшую о неугасающем у генерального секретаря интересе к этому делу: «Расследование Стецкого в Ленинграде выявило безобразнейшее положение в иностранном отделе “Красной газеты”. Всеми делами Иноотдела заправлял некий Шварсолон — беспартийный 50 лет, обрусевший француз, бывш[ий] гвардейский офицер, во время гражданской войны сидел в концентрационном лагере за фабрикации удостоверений для перехода границы, будучи секретарем тогдашней “Экономической жизни”; после окончания гражданской войны попал в число сотрудников НКВД, был в нашем посольстве в Китае, в качестве переводчика у Карахана, был выставлен оттуда за подозрительные связи с иностранцами, работал затем некоторое время по линии ТАСС, затем в газете “Смена”, затем в “Вечерней Красной газете”; живет широко. *Его дочь работала до последнего времени телеграфисткой на наших пароходах, поддерживающих связь с заграничными портами*⁸.

Шварсолон арестован, и ОГПУ начало следствие по его делу. Кайсаров тоже арестован⁹. Мы приняли такое решение:

⁵ Вписано от руки над зачеркнутым: «Мы думаем, что необходимо в “Правде”».

⁶ Выделенное курсивом зачеркнуто, адресату не передавалось. Каганович в данном случае определенно помнил о том, как разворачивалась осенью 1931 г. дискуссия между членами Политбюро и отдохавшим на Кавказе Сталиным по поводу пакта ненападения с Польшей, в ходе которой генсек обвинил коллег в полонофобии. Сохранение достигнутого улучшения отношений с Варшавой оставалось ключом к решению многих региональных проблем, что в Москве учитывали.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 44. Л. 75–77.

⁸ Выделенное курсивом зачеркнуто. В публикации «Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг.» (с. 291) об этом не упомянуто.

⁹ В действительности Кайсаров и Шварсолон были арестованы 21 августа.

а) объявить выговор редактору редакции “Вечерней Красной газеты” Сыркину за небрежное отношение к своим обязанностям и за плохой подбор сотрудников.

б) объявить выговор секретарю редакции “Вечерней Красной газеты” Анисимову за помещение статьи Кайсарова; снять Анисимова с газетной работы¹⁰.

в) упразднить иностранные отделы в “Красной газете” (утренней и вечерней) и “Вечерней Москве”, обязав редакторов лично просматривать помещаемые в газетах инотелеграммы.

г) поручить Культпропу ЦК в срочном порядке проверить работу и состав сотрудников иностранных отделов других газет с тем, чтобы свести число газет с иностранными отделами до минимума.

д) предложить Ленинградскому обкому в двухдневный срок назначить редактора “Вечерней Красной газеты” и выделить вполне квалифицированного члена партии на заведование иностранным отделом “Ленинградской правды”, а также срочно проверить состав иностранного отдела “Ленинградской правды”.

е) предложить Ленинградскому обкому очистить “Красную газету” от примазавшихся к ней жуликов прежней бульварной прессы — прежней “Биржевки”¹¹ и др.

ж) предложить ОГПУ в срочном порядке закончить следствие по делу *о помещении неправильной статьи в “Красной газете”*¹².

Последующие события показали, что генеральный секретарь ЦК ВКП(б) не был готов довольствоваться «перетряской» кадров в Ленинграде. В принципе, еще в июне 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обязало периодические издания, являющиеся официальными органами местных властей и издаваемые в приграничных районах (Ленинград относился к числу таких районов), согласовывать свои публикации с местными представителями НКВД и местной администрацией (в данном случае речь, конечно, шла не о Ленгорисполкоме, а об обкоме партии)¹³. В Ленинграде представительство НКВД имелось. Статья Кайсарова явно не была согласована ни с представительством НКВД, ни с местными властями, хотя за три месяца до ее появления — 8 мая — Политбюро в очередной раз озаботилось усилением контроля над работой иностранных отделов газет и журналов¹⁴.

Чем была вызвана исключительно нервная реакция членов Политбюро и кем были упомянутые Кагановичем Кайсаров и Шварсалон?

7 августа в Москву поступила информация об одной публикации бюллетеня «Russland und Asien», издававшегося агентством «Telegrafien Union»¹⁵

¹⁰ На полях помета: «Именно этот тип и дал заказ на напечатание статьи».

¹¹ Имеется в виду газета «Биржевые ведомости», издававшаяся в 1880–1917 гг.

¹² Выделенное курсивом зачеркнуто, вписано: «Шварсолон–Кайсарова».

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 693. Л. 7.

¹⁴ Там же. Д. 883. Л. 2.

¹⁵ Telegrafien-Union Internationale Nachrichten GmbH было основано Альфредом Гугенбергом

(«Телунион» — в шифровке Кагановича), в которой обсуждались вопросы советско-германских отношений. В рубрике «Что происходит в германо-советских отношениях?» была напечатана статья под интригующим названием: «Москва нападает». Фактически ниже следовал перевод статьи «Военные силы Германии», помещенной 3 августа 1932 г. в ленинградской «Вечерней Красной газете». Бюллетень сопроводил эту статью следующим комментарием: «Мы уже недавно имели возможность высказаться по поводу одного происшествия, которое создало угрозу германо-советским отношениям тем, что с одной советской организацией обошлись несправедливо. Совершенно очевидно, что эта необдуманно совершенная несправедливость причинила материальный ущерб советской организации, что автоматически должно отразиться на советских заказах в Германии и в свою очередь нанести убытки также и германскому хозяйству. Теми же соображениями мы руководствуемся, воспроизведя дословно вышеуказанные выводы одной официальной советской газеты. Эти выводы, которым ни один человек не может отказать в официальном характере, весьма способствуют омрачению германо-советских отношений. Важен не столько тот факт, что содержится в этих рассуждениях, т. е. насколько они соответствуют действительности, или эти факты искажены. Важно в первую очередь то обстоятельство, что в официальной печати страны, к которой мы относились до сих пор как к хорошему соседу, появились подобные рассуждения. До сих пор считалось обычным, что советское правительство и его органы печати проявляют понимание положения Германии, создавшегося после подписания Версальского договора. Кроме того, официальные советские круги неоднократно даже подчеркивали, что советское правительство является противником Версальского договора. Эти выводы, а также приведенные в предисловии рассуждения, обнаруживают тенденцию, которая должна в Германии породить мнение, что советское правительство избрало такое внешнеполитическое направление, которое отклоняется от внешней политики, проводившейся до сих пор... сделавшей возможными совместные действия Германии и Советского Союза». Выдержки из советской статьи были также опубликованы в французских «Le Matin» и социалистической «Le Populaire», а также в германской

в 1913 г. Подписку на получение информации от этого агентства в 1931 г. имели более 350 газет. Его отношения с германским правительством не были бесконфликтными, с приходом нацистов к власти оно прекратило свое существование, так же как и другое крупнейшее германское агентство — Телеграфное бюро Вольфа. Главным редактором, в обязанности которого входило предоставление германским изданиям переводов, публикуемых в зарубежной печати статей, был в 1928–1932 гг. Ханс Фритцше, причем, согласно его показаниям на Нюрнбергском трибунале, одной из основных тем, на которую ему неизменно приходилось обращать внимание, являлось освещение связанных с Версальской системой вопросов (Nazi Conspiracy and Aggression. Washington: United States Government Printing Office, 1946. Vol. VI. P. 175). Подробнее о «Телеграфен Унион» см.: *Neitemeier M. Die Telegraphen-Union // J. Wilke (Hrsg.). Telegraphenbüros und Nachrichtenagenturen in Deutschland. Untersuchungen zu ihrer Geschichte bis 1949. München; NY; London; Paris: K. G. Saur, 1991. S. 87–134.*

либеральной «Die Vossische Zeitung» и в органе Польской социалистической партии (Polska Partia Socjalistyczna) «Robotnik».

В статье, напечатанной в ленинградской газете, особенно подчеркивалось, что «скромная цифра Рейхсвера в 100 000 человек с сравнительно продолжительным сроком службы, превращает его в мощный аппарат по созданию высококвалифицированного и отлично тренированного унтер-офицерского (младшего командного) состава... Рейхсвер и новая армия выйдут в поле не с ограниченным числом пулеметов и полевых пушек, а вооруженные так же, как и их соседи, если не лучше... Гражданская авиация, сильно развитая в Германии, имеет столько общего с военной авиацией, что переключить самолетостроительные заводы на военное производство не представляет большого труда... Германской армией будут руководить хорошо подготовленный офицерский корпус и генштаб. Генштаб, запрещенный Версалем, практически существует, но под другим названием и очень много работает... Германская армия является решающей величиной и в военно-политических комбинациях капиталистической Западной Европы».

Автором статьи был Владимир Дмитриевич Кайсаров, человек далекий от политики. Он родился 28 марта 1878 г. в Киеве. Окончил инженерное училище и Николаевскую инженерную академию. С женой Анной Николаевной у него было две дочери — Ольга и Наталья. Его родной брат — Виктор Дмитриевич Кайсаров — с 1915 г. служил в Харбине, в русской части Правления КВЖД, т. е. эмигрантом не был. До русско-японской войны Владимир Дмитриевич служил в инженерных войсках, в корпусе военных инженеров. В ходе этой войны был контужен, в результате стал терять слух, которого полностью лишился в 1911 г. По этой причине ему пришлось искать новое поприще для своей деятельности. Довольно успешно стал работать в таких изданиях, как «Инженерный журнал»¹⁶, «Разведчик»¹⁷, «Военный вестник»¹⁸. После октябрьского переворота 1917 г. стал редактором литературного отдела Всеобуча¹⁹, позднее переформированного в Петроградское отделение Главного редакционного совета (военного). С 1918 г. работал в газетах «Красная армия», «Известия Петросовета», «Красной газете», «Красной газете Балтийского флота». С осени 1920 г., с ведома Ленина, как утверждал сам Кайсаров (и это было принято следователями по его делу как данность), он был приглашен сотрудником для работы по составлению нового географического атласа. В начале 1921 г. Кайсаров получил очередное назначение — председателем Особой военной исторической комиссии при штабе Петроградского военного округа, а весной того же года он стал председателем Особой географической научной комиссии по составлению

¹⁶ Выходил в 1857–1918 гг.

¹⁷ Выходил в 1889–1917 гг.

¹⁸ «Военный вестник: Общевоинской журнал» выходил в 1921–1994 гг.

¹⁹ Всеобуч — Всеобщее военное обучение трудящихся, декрет о введении которого был принят ВЦИК РСФСР 22 апреля 1918 г.

Нового большого всемирно-географического атласа. Работа была закончена в 1928 г. В 1929 г. написанную им книгу по истории Гражданской войны — результат работы Особой военно-исторической комиссии — взял для издания ОСОАВИАХИМ²⁰. В популярной библиотеке журнала «Наука и техника» он к тому времени опубликовал несколько небольших сочинений («Мировой океан», «Происхождение земли», «Техника и война»).

С 1929 г. Кайсаров стал вновь заниматься инженерной деятельностью, работал старшим инженером в Ленинградском союзе потребительских обществ, инженером — руководителем группы в Ленинградском отделении Союзтранса. Однако контакты с некоторыми структурами штаба Ленинградского военного округа у него сохранились.

Кайсаров был арестован 21 августа, но на допросы в ГПУ его стали вызывать с 15 августа. Иными словами, особых причин для его задержания следователи на первых порах не находили, пока в Ленинград не приехал Стецкий и не поступило распоряжение из Москвы. Полностью утративший слух Кайсаров просил задавать ему вопросы в письменной форме. Характеризуя на допросе в ГПУ 15 августа свои политические взгляды, он сказал: «Считаю, что в политическом отношении СССР и Германии сейчас идти по пути. В своей статье я, правда, высказал мысль, что Германия сильнее, чем это хотят представить сами немцы, но, во-первых, нахожу, что советскому читателю полезно знать правду о том, с кем пойдешь в область внешней политики рука об руку и, во-вторых, кроме того, я высказал очень скромные предположения о военных перспективах Германии. Мысли, что я тем хочу принести пользу Франции и тем навредить СССР — у меня не было. Французы, конечно, прекрасно осведомлены об истинном положении в Германии. Приемлемость статьи для советской печати для меня перестала быть спорной после того, как статью просмотрел и обсудил со мной завед[ующий] ИНО “Красн[ой] газеты”. Он как постоянный сотрудник газеты должен был быть более в курсе директив и не нашел в ней ничего криминального... 14 августа меня по поводу статьи вызывали в Штаб РККА ЛВО в 4-й отдел. Там меня спросили: “Пользовался ли я для составления статьи материалами 4-го отдела штаба?”. На мой отрицательный ответ просили перечислить источники, которые, точнее говоря, сведения из которых послужили материалом для статьи. Перед уходом из Штаба беседовавший со мной сотрудник сказал: “Воздерживайтесь в будущем помещать статьи без согласования с Горлитом²¹”. И дал адрес Горлита».

Владимира Дмитриевича редко вызывали на допросы. Он твердо стоял на своем — статья была ему заказана и ее содержание в редакции газеты было

²⁰ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ по СПб и ЛО). Д. П-66718. Л. 70–71.

²¹ Ранее — в марте 1932 г. — Горлит был упразднен, вместо него был образован Леноблгорлит (ул. Пролетарская, 1), подчинявшийся Главлиту (Управлению по охране государственных тайн в печати).

одобрено. Последний допрос состоялся 21 октября 1932 г. Тогда Кайсаров признал, что появление его статьи «с таким направлением», «естественно, является материалом для западных стран, враждебно относящихся к Германии... Моя плохая ориентация в политических вопросах ввиду моей глухоты и оторванности от текущей политической жизни, так как в настоящее время я работаю в области далекой от политики... Здесь я также хочу указать на то, что направление статьи было мне подсказано... Шварсаломом, который не мог не знать о позициях Советского Союза и Германии». В тот же день Кайсарову было объявлено об окончании следствия.

Не менее, если не более интересной личностью был «заказчик» статьи Сергей Константинович Шварсалон²². Он родился 25 сентября 1887 г. в Копорье (Петергофский уезд Петербургской губернии), в семье учителя. Женат был на Антонине Петровне Григорович (с ними проживали ее дочь и сын от первого брака). В 1898–1906 гг. жил с матерью в Швейцарии (Женева), Италии (Неаполь, Генуя), Франции (Париж), Англии (Лондон). После возвращения в Россию он поступил на юридический факультет Юрьевского университета, который и окончил в 1910 г. Военскую повинность Сергей Константинович отбывал в 145-м пехотном Новочеркасском полку в качестве вольноопределяющегося. В 1911 г. он был причислен как практикант-юрист к Сенату, параллельно работал в «Торгово-промышленной газете» как сотрудник, а позже — помощником редактора отдела. В царской армии служил с мобилизации в 1914 и до 1917 г., имел звание прапорщика. В 1914 г. был ранен, после излечения занял в 1915 г. должность военного цензора при Главном телеграфе, работал под началом генерал-майора Дмитрия Петровича Струкова, занимаясь цензурой иностранных военных телеграмм. В 1917–1919 гг. был военным цензором в РККА, после чего до 1920 г. включительно служил секретарем в Институте экономических исследований в Петрограде²³. В 1919–1920 гг. он 7 месяцев находился под следствием по делу о выдаче фиктивных командировочных документов некой Киселевой от вышеупомянутого института. Был приговорен к содержанию в концлагере до окончания Гражданской войны. Только

²² В следственном деле присутствуют два варианта написания фамилии — «Шварсалон» и «Шварсалон», сам подследственный явно предпочитал первый вариант. Шварсалон, ссылаясь на рассказы матери, на одном из допросов сказал, что его отец — обрусевший француз, настоящая фамилия которого — *Шварц-Салон*. Мать — дочь помещика Зиновьева, была литератором и писала под псевдонимом Зиновева-Аннибал. В 1900 г. его мать развелась с мужем — статским советником Константином Семеновичем *Шварсаломом*.

²³ К тому времени, когда Шварсалон был арестован, в Ленинграде, да и он сам, уже не помнили точного названия организации. В данном случае речь идет об образованном постановлением СНК РСФСР от 15 марта 1919 г. Петроградском отделении института экономических исследований (с 7 августа 1919 по октябрь 1920 г. статус его распоряжением наркомата финансов был понижен до редакционно-издательской комиссии наркомата финансов, но затем был снова возвращен, а с 1926 по 1929 г. он был реорганизован в научно-исследовательскую часть Ленинградского отделения финансово-экономического бюро наркомата финансов СССР).

по ходатайству Максима Горького его освободили в апреле 1920 г. (к Горькому обращался с просьбой муж покойной матери Шварсалона, поэт-символист Вячеслав Иванов). В том же 1920 и до 1922 г. он, как заявил на допросе, занимал должности заместителя заведующего отделом информации Исполкома Коминтерна и «заведующего английской секцией в Смольном»²⁴, после чего оказался на работе в советском полпредстве в Пекине — драгоманом. В 1923 г. вместе с полпредом А. А. Иоффе выезжал для переговоров в Токио. По собственному признанию, единственное дисциплинарное взыскание им было получено в Китае за пьянство. Правда, Шварсалон вспомнил еще об одном проступке — проиграл итальянцу, мужу гастролировавшей в Пекине певицы, крупную сумму денег, но до выплаты проигранного дело не дошло, так как якобы выяснилось, что играли в компании жуликов. Нежелание платить партийные взносы повлекло недовольство партийной ячейки в полпредстве и исключение из кандидатов в члены партии.

В 1925 г. Шварсалон, по его утверждению, вместе с полпредом Л. М. Караханом покинул Пекин²⁵. Эта дата вызывает сомнения, так как Карахан оставался на посту полпреда в Китае до лета 1926 г. Можно предположить, что без поддержки Карахана или сохранившихся связей в Смольном он не смог бы устроиться работать в Ленинграде в редакции «Ленинградской правды» заместителем заведующего иностранным отделом. Заведующим этим отделом был Александр Юльевич Тивель, позже ставший сотрудником аппарата ЦК ВКП(б) и одним из ближайших сотрудников Карла Радека в Бюро международной информации при ЦК ВКП(б). Параллельно с работой в газете Шварсалон работал и в РОСТА (телеграфное агентство Российской Федерации), был заместителем заведующего иностранным отделом. Однако в том же 1926 г. в «Ленинградской правде» было проведено сокращение штатов, и Шварсалону пришлось поменять место работы. Тогда же он лишился и работы в РОСТА. С конца 1926 г. он уже проживал в Москве, работал преподавателем экономической географии в Университете для трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, а в августе 1928 г. по собственному желанию вернулся в Ленинград. Причины данного поступка неизвестны. Возможно, это было связано с реорганизацией университета, завершившейся в сентябре 1928 г. В Ленинграде он проживал на ул. Чайковского, 13, кв. 5.

По возвращении в Ленинград Шварсалон устроился работать в редакцию ленинградской газеты «Смена» в должности заместителя заведующего иностранным отделом Бруно Изаксона²⁶. Подрабатывал и в «Госиздате» — редактором,

²⁴ В действительности занимал должность заведующего английской секцией отдела информации Коминтерна (свободно владел английским) (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 547059. Л. 1).

²⁵ Позже Шварсалон опубликовал в соавторстве с М. И. Барановским небольшое сочинение под названием «Что нужно знать о Китае», выдержавшее в 1927–1928 гг. три издания.

²⁶ Бруно Самуилович Изаксон позже работал в ТАСС. В 1938 г. расстрелян. В 1955 г. реабилитирован.

а с апреля 1932 г. в иностранном отделе «Красной газеты». С 25 июля 1932 г. он стал исполнять обязанности заведующего этого отдела. К так называемым «августовским антивоенным дням», регулярно проводившимся в СССР с конца 1920-х гг., Шварсалон заказал сотруднику «Красной газеты» Кайсарову, считавшемуся специалистом по военным вопросам, ряд статей. В конце июля Кайсаров пришел с предложениями написать статьи на следующие темы: возможна ли война на западных границах СССР, аванпост французского империализма на Висле (о Польше и Румынии), боевая мощь Германии. Первая тема была отклонена Шварсалоном, так как Кайсаров «делал в ней неправильный вывод» о невозможности в настоящее время войны, но две другие темы им были приняты. Что касается статьи о военной мощи Германии, то Кайсаров ссылаясь на сведения иностранной печати и информацию, полученную им от штаба округа. Главный редактор газеты сомневался в помещении этой статьи, но Шварсалон дал ему некие разъяснения, после которых редактор Сыркин дал свое согласие на публикацию.

Как и Кайсаров, Шварсалон был арестован 21 августа 1932 г. без предъявления обвинения. Спустя два дня в Тосно была арестована его падчерица Татьяна Михайловна Григорович, 1909 г. р. Судя по всему, основной причиной особого интереса к ней послужил тот факт, что она часто и подолгу бывала за границей — в Голландии, Англии, Италии, Алжире, Тунисе, Турции, Персидском заливе. Дело в том, что с 1929 по 1931 г. она работала радисткой в Совторгфлоте, а с 1931 г. на той же работе в СЗРТ. Компрометирующими материалами в отношении нее следствие не располагало (найденные при обыске 5 долларов веским доказательством какой-либо вины служить не могли). С работы на пароходе она была уволена в 1931 г., так как ей было отказано в выдаче выездной визы. Причина отказа в выдаче визы ей была неизвестна. Возбужденное против нее дело за недоказанностью вины было закрыто только в ноябре, но по подписку о невыезде она была освобождена уже 12 сентября.

В день ареста состоялся и первый допрос Шварсалона. Следствие, судя по всему, не особо интересовали его родственные связи, хотя Шварсалон не скрывал, что в первом браке его супруга была за офицером Михаилом Григоровичем, который с начала 1920-х гг. проживал в Польше.

В день своего ареста среди телеграмм ТАСС Шварсалон, по его словам, увидел сообщение, что глава французского правительства Эдуард Эррио собирается выступить с материалами, обличающими Германию в тайных вооружениях. Шварсалон тогда и убедился «во вредности статьи Кайсарова», так как понял, что Эррио может использовать и статью Кайсарова «в интересах против Германии».

Если верить протоколу одного из допросов, то, давая пояснения о своих политических убеждениях, Шварсалон 27 августа был предельно откровенен: «По своим политическим убеждениям, по своему мировоззрению — я сторонник буржуазно-демократического строя. Государственный строй Англии, Франции во всех отношениях импонирует моим убеждениям. А [в] социализм,

установленный насильственным свержением буржуазного строя при помощи диктатуры пролетариата, — я не верю. Я являюсь врагом таких методов установления социализма. Корни моего политического мировоззрения лежат, разумеется, в моей социальной природе, в моем воспитании, полученном в определенном разрезе. Моя мать — писательница Зиновьева-Аннибал — была яркой представительницей той части дворянской интеллигенции, которая, будучи настроена оппозиционно к самодержавию и ненавидя уродство помещичье-дворянского строя, не шла, однако, далее буржуазно-либеральной позиции. Мой отчим (отца я почти не знал) — Вячеслав Иванов, поэт-мистик, ныне, как мне передают, яркий сторонник воинствующего католицизма, уехал из СССР в 1922 г. и остался в Италии (Рим, Падуа). Такова домашняя среда, в которой я рос. Воспитание и образование я получил в Англии, в семье директора гимназии — члена английской либеральной партии. Я разделял политическую платформу либералов. Я выехал из Англии со взглядами буржуазного либерала. В российских условиях эти взгляды укладываются в программу партии кадетов... Я с радостью встретил февральскую революцию. Я думал, что Россия победоносно закончит войну и пойдет по пути развития Англии. Мое отношение к октябрьской революции было резко отрицательное, так как она шла вразрез с моим мировоззрением и со всей моей идеологией. Если же я и продолжал работать, то это объясняется тем, что нужны были средства для существования. Годы моей работы после октябрьской революции за границей, где я общался с социально близкой мне буржуазной средой дипломатических работников иностранных миссий — укрепляли мои политические убеждения. Даже последние годы, работая в иностранных отделах советских газет, я всё же имел возможность поддерживать в себе либерально-буржуазное мировоззрение... Я до сих пор продолжаю считать, что путь социалистического развития, минуя буржуазно-демократическое, неправилен, я думаю, что коллективизация деревни еще непригодна в данной стадии развития народного хозяйства СССР и что больше пользы для экономического развития страны принес бы путь буржуазно-демократического развития, который предоставлял бы свободу индивидуальным силам и индивидуальной конкуренции»²⁷.

«В январе 1922 г. в Москве я встретился в библиотеке Воен[ного] штаба (ок[оло] Знаменки и Моховой) с Александром Ивановичем Григоровичем, братом первого мужа моей жены. А. И. Григорович перед этим письменно сообщил моей жене, что у него имеется для передачи моей жене мелкая продовольственная посылка, за которой я и зашел. При разговоре с Ал. Ив. я выразил некоторую зависть, что он скоро уезжает из СССР (как польский реэвакуант²⁸). Ал. Ив. Григорович понял, что в моем лице он имеет “своего человека”, близкого по взглядам. Он сказал мне, что и оставаясь в СССР, я могу принести

²⁷ АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-66718. Л. 53, сл.

²⁸ Т. е. оптант.

некоторую пользу, будучи свидетелем того, что здесь в действительности происходит (антисоветские настроения, затруднения и т. д.). Он мне сказал, что я могу пользоваться совершенно безобидным и безопасным способом сообщать о том, что я продолжаю пребывать в своем настроении и что я свидетель всех здешних затруднений, — путем подчеркивания в ответных на посылки письмам моей жены ее мужу в Варшаве необходимости продолжать посылать посылки и подчеркивания нашего тяжелого материального положения в СССР, — вследствие чего и требуются продовольственные посылки. Я согласился... (в 1925 г.) В Москве я узнал от Пяста Владимира Александровича²⁹ (которого я знал еще до войны) о том, что он с Юрием Никандровичем Верховским³⁰ и др[угими] друзьями часто беседует на антисоветские темы и мысль о такой организации меня соблазняла; если я и не подошел к ней ближе, то потому, что фактически не успел, и Пяст, и я сам бывали то в Москве, то в Ленинграде. Работая постоянно в Ленинграде с августа 1928 г., я находился всё время на подчиненных должностях, что не давало мне возможности провести тенденции против советской политики и в пользу Польши в газетах. Я старался только не заострять насколько возможно своих статей против Польши. В начале августа сего года, когда я замещал зав[едующего] иностр[анным] отд[елом] “Кр[асной] Газ[еты]” Ляс³¹, сотрудник газеты Кайсаров предложил мне три темы...»³²

Шварсалону не могло не быть известно об аресте Пяста в 1930 г. и последующей высылке на 3 года в Северный край. Можно предположить, что он упомянул о Пясте, не опасаясь усугубить его положение, по той причине, что именно в 1932 г. прошел слух о самоубийстве Владимира Алексеевича³³. Обращает на себя внимание другое обстоятельство: протоколы допросов свидетельствуют, что следствие не проявило интереса к разработке этой выгодной, казалось бы, с политической точки зрения «линии»: «Пяст — Верховский — другие друзья», часто беседовавшие на антисоветские темы. На судьбе Верховского это заявление Шварсалона никак не отразилось. Быть может, следствие торопилось завершить дело?

4 сентября Шварсалон написал «дополнительное показание». По его словам, 1 марта 1921 г. коллективом Смольного он был принят в кандидаты ВКП(б)³⁴.

²⁹ Имеется в виду Владимир Алексеевич Пестовский (псевдоним — Пяст) (1886–1940) — поэт-символист, прозаик, литературный критик, переводчик, один из биографов Александра Блока.

³⁰ Юрий Никандрович Верховский (1878–1956) — поэт, переводчик, историк литературы.

³¹ Заведующий уехал в отпуск в Германию.

³² АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-66718. Л. 59–60.

³³ *Тименчик Р.* Рыцарь-несчастье // Вл. Пяст. Встречи. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 20.

³⁴ Членство Шварсалона в РКП(б) вызывает некоторые вопросы. В марте 1921 г., т. е. через несколько месяцев после занятия ответственной должности в структурах Коминтерна, он решил вступить в партию. Рекомендации ему предоставили некие П. А. Ливсовский и К. Н. Ставинг (судебный следователь 1-го отделения Петроградского района

«Заявление о вступлении в партию я подал под влиянием сложных чувств, вызванных смертью на моих руках сестры Веры в Москве в августе 1920 г. от скоротечной чахотки. Я, когда умерла сестра, чувствовал, что стою на перепутье: или ненавижу большевиков из-за голода, жертвой которого стала сестра, или должен бороться с Антантой, сковывавшей нас в кольце блокады. Я решил тогда на второй путь... Но когда я был за границей, очевидно сказалось мое более настоящее буржуазное настроение, и у меня произошел в 1923–1924 гг. ряд личных конфликтов с несколькими руководящими членами ячейки полпредства, которые мне заявляли откровенно, что я гожусь для работы на советской службе, но что для партии я чуждый элемент... В мае 1924 г. я был исключен из ячейки за неуплату членских взносов. Во время XVI съезда³⁵ я, в числе нескольких других беспартийных работников редакции “Кр[асной] газ[еты]” и “Смены” подал коллективное заявление о вступлении в партию. Вступить в партию я хотел для того, чтобы мне шире были открыты двери для карьеры, которую я мог делать благодаря моим знаниям языков, опыту в работе и т. д.»³⁶. Судя по всему, в приеме в партию ему было отказано, так как в анкете, заполненной при его аресте, в графе о партийности записано — «б/п». На это следует обратить внимание, так как в 1930 г. чистки партийных рядов не проводилось, напротив, как позже констатировалось в постановлении ЦК и ЦКК ВКП(б) (28 апреля 1933 г.), с конца 1930 и по начало 1933 г., в партию вступило 1400 тыс. человек, большинство из которых были активными участниками социалистического строительства, но в ряде случаев прием в партию проводился огульно, без тщательной проверки, в результате чего в партии оказались чуждые элементы. Следовательно, даже в период «открытых дверей» Шварсалон в партию принят не был. «Коллективное заявление» не сыграло своей роли. Факт, который не мог не учитываться руководством газеты и ее партийной ячейкой. Тем не менее он оказался ответственным в газете за весьма опасный участок работы — зарубежную информацию. Знания и опыт оставались редким товаром, что, вероятно, и побуждало его начальство идти на риск.

На следующий день, 5 сентября, Шварсалон дал очередные «дополнительные показания», которым он придал весьма говорящий заголовок: «О моих антигерманских настроениях». «Вдумываясь в мои симпатии и антипатии к тому или иному государству, я вижу и знаю, что с давних пор у меня существуют антигерманские настроения. Эти настроения особенно обострились вследствие войны 1914 г., но они возникли еще раньше. Уже когда я совсем маленьким (10 лет) был в парижской гимназии (1 или 2 года, не помню), я помню, как французские мальчики приветствовали во мне “союзника” во время игр

Петрограда). Однако в учетной карточке нет упоминания об открытии ему кандидатского стажа в партии и вообще о рассмотрении этого вопроса на заседании «Бюро Смольнинского коллектива РКП(б)» (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 547059. Л. 2 об., 3).

³⁵ Июль 1930 г.

³⁶ АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-66718. Л. 63 — 63 об.

в войну между Францией и Германией. В Лондоне, в семье Тэппер, где я жил до того, как стал жить у директора своей школы Пэтока, тоже были настроены против Германии...»

Это был своего рода подарок для следствия, тот штрих, который должен был украсить обвинительное заключение и дать исчерпывающее объяснение появлению статьи Кайсарова. «Заграничной прессой охарактеризованная выше статья “Красной Газеты” была оценена как инспирированный советским правительственными кругами акт, демонстрирующий антигерманский поворот внешней политики СССР и солидаризацию СССР с политикой государств — гарантов Версальского договора», — гласило подготовленное следователем заключение. Следствие пришло к однозначному выводу, что Шварсалон «использовал советскую прессу в контрреволюционных целях, пытаясь путем помещения политически неприемлемой статьи Кайсарова “Военная мощь Германии” подорвать нормальные дипломатические взаимоотношения между СССР и Германией»³⁷.

9 декабря 1932 г. Выездная сессия Коллегии ОГПУ вынесла приговор: «ШВАРСАЛОН Сергея Константиновича заключить в к/лагерь сроком на 10 лет, считая срок с 31.8.1932»³⁸. В этот же день была поставлена точка и в деле Кайсарова: «КАЙСАРОВА Владимира Дмитриевича — Освободить. Дело прекратить. Дело сдать в архив»³⁹.

Заключение Шварсалон отбывал в лагерях Беломоро-Балтийского комбината. Некоторое время был редактором лагерной малотиражной газеты, работал в лагерных канцеляриях. На тяжелых физических работах не использовался, так как после ранения в ногу в Первой мировой войне сильно хромал и ходил с помощью палки. В начале 1937 г. был освобожден. Поселился в Калуге. По разным данным либо в 1939 г., либо в 1940 г. был снова арестован, и в 1941 г. приговорен к высшей мере наказания. Только в 1988 г. постановлением Президиума Ленинградского городского суда постановление Выездной сессии Коллегии ОГПУ было отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления в действиях Шварсалона.

Дело Шварсалона–Кайсарова послужило толчком для начала общесоюзной кампании по проверке отделов иностранной информации в средствах массовой информации. В результате во многих изданиях эти отделы были закрыты, а в других — резко сокращен штат сотрудников. Для интересующихся событиями в мире оставались центральные газеты и нечастые лекции лекторов-пропагандистов.

³⁷ Там же. Л. 99.

³⁸ Выписка из протокола Заседания Выездной Сессии Коллегии ОГПУ от 9.12.1932 // Там же. Л. 101.

³⁹ Там же. Л. 102.

References

- Baranovskij M. I., Švarsolon S. K.* Čto nužno znat' o Kitae. L., 1927–1928.
Ken O. N., Rupasov A. I. Zapadnoe prigranič'e. Politbûro CK VKP(b) i otnošení SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami. 1928–1934. M.: Algoritm, 2014.
Nazi Conspiracy and Aggression. Washington: United States Government Printing Office, 1946. Vol. VI.
Neitemeier M. Die Telegraphen-Union // J. Wilke (Hrsg.). Telegraphenbüros und Nachrichtenagenturen in Deutschland. Untersuchungen zu ihrer Geschichte bis 1949. München; NY; London; Paris: K. G. Saur, 1991. S. 87–134.
Сталин и Кагановиç. Переписка. 1931–1936 гг. М.: ROSSPÈN, 2001.
Timenčik R. Ryčar'-nesčast'e // VI. Pâst. Vstreči. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1997.

Список литературы

- Барановский М. И., Шварсолом С. К.* Что нужно знать о Китае. Л., 1927–1928.
Кен О. Н., Рупасов А. И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. 1928–1934. М.: Алгоритм, 2014.
Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
Тименчик Р. Рыцарь-несчастье // Вл. Пяст. Встречи. М.: Новое литературное обозрение, 1997.
Nazi Conspiracy and Aggression. Washington: United States Government Printing Office, 1946. Vol. VI.
Neitemeier M. Die Telegraphen-Union // J. Wilke (Hrsg.). Telegraphenbüros und Nachrichtenagenturen in Deutschland. Untersuchungen zu ihrer Geschichte bis 1949. München; NY; London; Paris: K. G. Saur, 1991. S. 87–134.